

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Битвы
божьих коровок**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.

П37 Битвы божьих коровок / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с.

ISBN 978-5-04-089589-2

Она никогда не была в большом Городе. Но именно большой Город все перевернул в ее жизни... Приехав навестить родного брата, Настя застает его... в морге. Ее Кирюша, которого она воспитала, заменив умершую мать, покончил жизнь самоубийством. Ничего нелепее быть не может. На стенах в его маленькой квартире «живут» полчища божьих коровок. Все говорит о повреждении рассудка, и факт самоубийства не вызывает сомнений. Но Настя просто не может поверить в это. Надев его кожаные штаны, куртку и ботинки, она решает примерить на себя его жизнь и разобраться в истинных причинах смерти Кирилла. На пути к истине Настю ждет много загадок. И первая из них — девушка с загадочным именем Мицуко...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платова В., текст, 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089589-2

*Все события, происходящие в романе, вымышлены,
любое сходство с реально существующими
людьми — случайно.
Автор*

Часть I

...«Сколиоз, аллергия на крыжовник, и к тому же в детстве занималась самыми преступными видами спорта. С точки зрения какой-нибудь зачумленной супер-Линды Евангелисты... Академической греблей, например. Или толканием ядра, ежу понятно... Куда только смотрели имбецилы-родители, так испохабить девчонку! Бедная ты бедная, а со спиной у тебя труба... Не те позы принимаешь, когда дело доходит до секса. Если, конечно, вообще доходит до него, а не до сносок в «Камасутре», — думал патологоанатом.

«Совсем не похожа на красавчика-брата-погибель-всех-швей-мотористок. Крановщиц из пригорода, приемщиц ателье и кондукторов с высшим филологическим... Даже мои ботинки больше смахивают на красавчика, чем она. Даже шнурки от ботинок. Бедная ты бедная, а растреклятым онучам самое место в мусоропроводе. Три года оттаскал, пора и честь знать», — думал следователь.

«Голубок и горлица никогда не ссорятся... Этого не может быть. Не может. Не может... Все, что угодно.

Только не это. Голубок и горлица никогда не ссорятся. Никогда. Бедный ты бедный, а виноград?... Целая сумка винограда и твои любимые гранаты... Что я теперь с ними буду делать?» — думала Настя.

— Прошу, — промурлыкал патологоанатом игривым тоном, более уместным для бокала шампанского с последующим приглашением на танец, чем для морга судебной экспертизы.

Следователь посмотрел на него с привычной укоризной и дернул подбородком: креста на тебе нет, мясник-расстрига, дневальный по бойне, креста на тебе нет.

Конечно, нет.

Патологоанатом осклабился и подмигнул следователю разбойной серьгой в ухе: конечно, нет! Я же буддист. И все мои покойнички, выпотрошенные и пронумерованные, тоже приобщаются, ожидают реинкарнации, ковыряясь в мертвых носах. Под белыми простынками. А белый, как известно, цвет траура на родине папаши-Шакьямуни, так что все приличия соблюдены.

— Подойдите, пожалуйста. — Следователь ухватил Настю за локоть и почти силой подтащил к телу, целомудренно прикрытому простыней. А патологоанатом приподнял ее край.

Голубок и горлица никогда не ссорятся.

Это было правдой. Они никогда не ссорились. Настя и Кирюша. Настя — старшенькая, Кирюша — младшенький. Девять лет разницы в возрасте ничего не значили. Девять — любимое число Кирюши, тройственный союз

мысли, тела и духа, порядок внутри порядка, девять ангельских хоров. Кирюша тоже пел в хоре — не в ангельском, конечно, а в самом обычном хоре их местного культпросвета. А потом бросил все — и хор, и училище. И родной городишко у моря, где самой большой достопримечательностью была мемориальная доска на здании больницы: *«Здесь 3—11 сентября (по старому стилю) 1915 года находился на излечении чувашский советский писатель Иоаким Максимов-Кошкинский».*

...Он бросил все — и Настю заодно. И уехал в этот северный, бледнолицый и бесприютный город. Чтобы теперь, спустя три года, покончить жизнь самоубийством.

— Узнаете? — спросил следователь.

Что теперь делать с виноградом? И с гранатами — твоими любимыми?.. И эта полоса на шее — нет, Настин Кирюша никогда бы такого не сделал. Никогда.

— Узнаете? — Следователь начал проявлять признаки сдержанного нетерпения.

Настя отрицательно покачала головой, а потом ухvatилась за край каталки.

— Значит, не узнаете? А по документам значится, что это Лангер Кирилл Кириллович. Ваш брат.

Он вовремя поднес ей стакан воды, патологоанатом. Он знал, что нужно делать в таких случаях: все цепные псы у ворот Смерти это знают. Настя застучала зубами о стакан.

— Это не мой брат. Нет. Нет... Нет...

Следователь и патологоанатом переглянулись: может быть, спирту ей в глотку? Может быть, вывести слабонервную страдальцу от греха подальше? И вообще, имеет ли какое-то отношение к душке-самоубийце эта провинциальная фря?..

— Держи ее, — процедил следователь, когда Настя потеряла сознание.

— Твою мать. Третья емкость за неделю, — процедил патологоанатом, когда стакан с остатками воды разбился вдребезги.

...Она пришла в себя на кушетке, в подсобке весельчака патологоанатома, устроившегося как раз напротив, под плакатом «SEX PISTOLS» FOREVER». От обоих подванивало формалином, а следователь (совсем уж лишний в этой келье) взирал на Настю со свирепым состраданием.

— Ну, как? Полегчало?

— Да, — соврала Настя и машинально одернула юбку.

«Напрасный труд, мадам. — Патологоанатом был прожженным циником, как и полагается его собратьям по профессии. — Никому и в голову не придет предположить, что под вашим подрясником скрывается нечто из ряда вон».

«Напрасный труд, гражданка. — Следователь был прожженным законником, как и полагается людям его профессии. — Пасть жертвой статьи 131¹ УК РФ вам не светит даже при самом худшем раскладе».

¹ Статья 131 УК РФ — изнасилование.

— Думаю, не стоит больше...

— Стоит. — Настя уже взяла себя в руки. — Я должна...

Черт возьми, ты должна была приехать раньше, только и всего! Сразу же после его странного звонка — собраться и приехать. Не ждать, пока снимут айву, чтобы дозрела на закрытой террасе. Не ждать, пока разольют по бочкам первое в этом году вино. А инжир, а варенье из розы, а сыроварня!.. Все это оказалось важнее, чем Кирюша, сунувший голову в петлю за тысячи километров от ее постылой сыроварни. И ее постылой жизни...

Теперь он лежит за стеной, с фиолетовой полосой на шее, с опущенными уголками губ, с седыми висками.

— Почему он седой? — спросила Настя у следователя. Следователь пожал плечами.

— Ему всего-то двадцать один, — не унималась она. — Почему он седой?

— Когда вы видели брата в последний раз?

Вот он — вопрос, на который у нее никогда не было ответа!.. Она бы многое могла рассказать этому квадратному, отъевшемуся на нераскрытых заказах представителю закона, имя которого так и не смогла запомнить. О том, как Кирюша выстригал себе челку под самый корень и жег спичками ресницы, — только бы не быть таким по-девчоночьи хорошеньким. О том, как он ненавидел изюм в детстве. И Зазу — в отрочестве и ранней юности (Зазу — ее муж и благодетель. «До кровавых соплей благодетель», — так и сказал Кирюша пе-

ред тем, как бросить в сумку головку брынзы и яблоки. Перед тем, как бросить ее саму. И уехать в Питер)...

— Когда вы видели брата в последний раз? — снова напомнил о себе следователь.

— Три года... Три года назад.

— Стало быть, приехали в гости?

— Кирюша... Кирилл позвонил мне...

— Когда? — Снулые глаза законника оживились.

— Уж две недели будет как...

— И попросил приехать? — Следователь больше не церемонился. Впрочем, с Настей никто никогда не церемонился. — Долго же вы собирались, уважаемая.

— Он не просил приехать. — Настя сжалась, как от удара, широкие плечи вздрогнули. — Сказал только: «Если бы ты могла...»

— И что дальше?

— Ничего. Положил трубку.

— Вас разъединили?

— Нет. Не похоже, чтобы разъединили. Просто положил трубку, и все.

Веселая семейка, ничего не скажешь. Сестрица Аленушка от сохи и братец Иванушка от кокаина.

— Вы не знаете, ваш брат не употреблял наркотики? — Следователь старался не смотреть на покрасневшую Настю. — Анашу, например? У вас на юге, говорят, очень этим увлекаются? Может быть, было что-то по молодости, а?

Судя по целомудренно вспыхнувшим щекам, самым большим наркотиком в ее представлении был цейлон-

ский чай Одесской чаеразвесочной фабрики. Со слонном. А чай следователь не любил. Ни цейлонский, ни индийский, ни даже экзотический из Венесуэлы, от которого иногда приключались глюки. И хотелось спровадить на электрический стул половину следственного управления. Следователь пил его только один раз, но самые зубодробительные воспоминания сохранил на всю жизнь.

— Наркотики? Кирюша?

— Именно. Кирилл Лангер.

Эта пейзажка в дешевой черной юбке, с рожей, опаленной таким же черным трудовым загаром, стала раздражать следователя, но все формальности должны быть соблюдены. Сегодня он закончит это дело (впрочем, банальное самоубийство и делом-то назвать нельзя; так, пасхальное яичко, пустячок, даже папки на него жалко) и займется наконец более серьезными вещами.

— Значит, вы не видели его три года.

— Не видела, — с готовностью подтвердила Настя.

— И чем он занимался — не имеете ни малейшего понятия.

— Не имею.

— Он звонил вам?

— Звонил... Много раз. Поздравлял с днем рождения.

Потом — с Новым годом. Он всегда поздравлял с днем рождения и с Новым годом...

Зачем ты врешь, Настя? Да еще в таких подробностях. Открытка была только одна, с полустертым обратным адресом. «Счастливого Рождества». А звонков

и вовсе не было. Кроме одного-единственного, совсем недавно, когда они сняли первый виноград... Что же сказал тогда Кирюша? Ага: «Если бы ты могла...» — именно так. А потом швырнул трубку на рычаг, даже не выслушав ответа. Впрочем, никто и никогда не интересовался ее ответами. И в этом нет ничего сверхъестественного, только сумасшедшему придет в голову интересоваться мнением пыльного подорожника (*plantago major* L.). Или жимолости (*Lonicera Periclymenum*). Или самого распоследнего молочая (*Euphorbia angularis* Klotz)... А ты, Настасья, обладаешь еще меньшим правом голоса, чем любой из разделов твоей обожаемой «Энциклопедии растений»...

— Ни одного праздника не пропустил, — сладко врала Настя. — И посылки присылал...

Толстогубый следователь бросил на нее полный тоски взгляд: святочные истории из жизни самоубийц его не волновали.

— Что ж, будем закругляться. Подпишите протоколичек опознания и, как говорится...

«Попутного ветра в горбатую спину», — хотел добавить он, как раз в духе цинично-разухабистого анатомического театра, но вовремя сдержался. И положил перед собой замусоленный бланк протокола.

— Фамилия, имя, отчество.

— Чьи? — испугалась Настя.

— Ваши.

— Киачели. Ударение на «е». Киачели Анастасия Кирилловна.

— Странная фамилия. — Следователь не удержался от слегка пренебрежительного комментария по поводу неправдоподобно белых Настиных волос. Уж они-то явно не имели никакого отношения к грузинским окончаниям.

— Это по мужу. — Настя потеряла обручальное кольцо, обветшалое и потускневшее от времени, и с готовностью пустилась в пояснения: — Вообще-то моя девичья фамилия — Воропаева.

— Ваш муж грузин?

— Какое это имеет значение? Хевсур...

Вот так всегда. Муж — хевсур, брат — самоубийца, только этим она и интересна. Да еще сумкой гранатов величиной с младенческую головку каждый...

— Очень хорошо. Значит, ваш брат, Лангер Кирилл Кириллович, вами опознан? — наседал следователь.

— Почему он седой? И рана на голове — откуда она? И потом еще это... Засохшая кровь возле уха, вы видели? Откуда это все?!

— Вы у меня спрашиваете?..

Настя тихо заплакала, чем окончательно вывела следователя из себя. Женским слезам он не верил, женские слезы он терпеть не мог — еще с той поры, как его супружница, наставлявшая ему рога с половиной следственного управления, была спущена с лестницы. Под аккомпанемент таких же вот беззвучных рыданий.

— Как это произошло?..

Да как обычно и происходит, гражданка Киачели. Звонок в милицию три дня назад — от обеспокоенной